

Секция «Журналистика»

Наука, религия, искусство: эволюция взглядов Андрея Платонова
Поддубцев Руслан Александрович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет журналистики, Москва, Россия

E-mail: poddubtsev@gmail.com

Первое десятилетие после октябрьского переворота в России проходило под знаком строительства государства нового типа. В начале 1920-х годов Андрей Платонов работал инженером-мелиоратором и специалистом по электрификации сельского хозяйства. Эффективность общественных преобразований он связывал с накоплением научного потенциала и развитием техники. Для молодого Платонова социальная революция – это «ворота в царство сознания, в мир мысли и торжествующей науки» [4. С. 147]. Писатель воспринимал разум прежде всего как средство борьбы с природой. Непримируемыми врагами науки Платонов считал идеализм и фантазию. Они, как ему казалось, были присущи уходящей в прошлое буржуазной системе знаний, которая «в отдельном факте, явлении видела уже целую общемировую идею» [4. С. 93].

В ряде выступлений на страницах периодической печати Платонов противопоставляет разум и веру. Октябрь 1917 года, по его словам, не только разрушил основы христианского мировоззрения, но и предупредил возможность возникновения новой религии. Начинаящий писатель объясняет это тем, что революция есть «дочь науки, а наука враждебна всякой вере, всякому тёмному, невыясненному движению души, всякой страсти, вытекающей не из сознания, не из мысли, а из тёмных глубин человека» [4. С. 77]. Научное знание, говорит инженер Платонов, приближает людей к бессмертию значительно быстрее, нежели любая система верований.

Одним из ведущих литературных (или – шире – общественных) объединений революционных лет был Пролеткульт, во главе которого стоял Александр Богданов. Его наиболее значимый труд под названием «Тектология» оказал заметное влияние на философские и эстетические взгляды Платонова. Вслед за Богдановым писатель полагал, что искусство в советском государстве должно решать организационно-строительные задачи. Однако, как утверждает Н. Малыгина, увлечение теорией пролетарской культуры «не исключало для Платонова её критического осмысления и неприятия некоторых её положений» [2. С. 31]. В этот период он ставит принципиальный вопрос о том, сохранится ли вообще искусство в его традиционном виде. По предположению писателя, оно «вольётся в науку, которая от этого подымется и во многом преобразуется» [4. С. 100].

Исследователи неоднократно отмечали противоречивость публицистической мысли молодого Платонова. С одной стороны, он называет слово «наука» самым великим и радостным для пролетарского человечества, осуждает религию и отводит творчеству лишь служебную роль. С другой – ему принадлежит, к примеру, такое высказывание: «Знание это отбросы творчества, то, что переварено в человеческой сокровенности и выкинуто вон. Знание – то, что я сделал и перестал любить, потому что кончил, завершил; вера-творчество есть то, что люблю я, люблю потому, что не имею и не знаю, что не прошло через меня и не стало прошлым» [4. С. 221]. Идеи Платонова-публициста

подверглись «проверке на прочность» в его научно-фантастических рассказах первой половины 1920-х годов: «Маркун», «Потомки солнца», «Лунная бомба». В рамках художественного текста они выглядели не так однозначно. Позиция писателя «лишалась догматизма, а его суждения о мире становились относительными и ставились в общий ряд с иными точками зрения» [6. С. 212].

Переломным для Платонова стал 1926 год, когда была создана повесть «Эфирный тракт». Один из главных героев этого произведения Михаил Кирпичников – учёный нового типа, пытающийся внести гуманистический смысл в естественнонаучные исследования, а также поставить свой разум на службу природным силам, «помочь» им. Его антипод – инженер-агроном Исаак Матиссен, который сам признаёт, что для проверки его науки «нужно целый мир замучить» [5. С. 63]. Показательна судьба одинокого фанатика: он погибает в ходе очередного эксперимента. Писатель подчёркивает, что преступление Матиссена и ему подобных заключалось в том, что они ещё не представляли собой «драгоценностей дорожке природы. Напротив, природа всё ещё была глубже, больше, мудрее и разноцветней всех человек» [5. С. 38]. «Эфирный тракт» завершает ранний период платоновского творчества, подводя некий итог.

Уже к началу 1930-х годов Платонов существенно переоценивает свои юношеские максимы. При этом ему удаётся сохранить баланс и не впасть в противоположную крайность. Писатель не ставит вопрос таким образом, будто «чувство должно заместить разум, а руки машину, – в его произведениях речь идёт об известном равновесии в развитии «сердца» и «ума», об обоюдной «притирке», «пригонке» обеих нужд, в равной мере необходимых для правильного человеческого существования» [1. С. 75]. Записные книжки двух последних десятилетий жизни Платонова содержат важные свидетельства той напряжённой работы, которая совершалась в его сознании.

Интересно, что в зрелом возрасте Платонов чаще всего излагает свои мысли в вопросительной форме, избегая точных формулировок. Например, в 1944 году он делает такую запись: «Природа – не одна ли из дорог к божеству?» [3. С. 253]. Приблизительно тогда же писатель вопрошает: «Справочники, Энциклопедии, Точные Науки, Физика, Химия etc., etc. – не есть ли они лишь общие схемы, общие абрисы, силуэты ещё слишком удалённых (потому и общих видов, что слишком пока далёких) видов природы, которыми затем, впоследствии, но навечно, займётся всё то же искусство?!» [3. С. 269]. Безусловно, с годами Платонов расширил свои взгляды на проблемы, волновавшие его в начале литературного пути. Ещё в «Эфирном тракте» он определил творчество как «крылья и движение к тому, чего нет, что невозможно, неведомо, неимоверно, но что будет, должно быть неотвратимо», и в то же время как «чудовищное сомнение в спасении, в цели, в остановке и страстные поиски окончательной гибели» [5. С. 41]. Не пришёл ли и сам писатель к этому сомнению под конец жизни?

По мнению В. Васильева, суть мировоззренческой эволюции Андрея Платонова заключается «в додумывании вопросов, поставленных перед обществом революцией» [1. С. 46]. Необходимо добавить: революцией перед обществом – и писателем перед самим собой. Всё время оглядываясь назад, Платонов в непрерывном автодиалоге пытался дойти до тех первооснов жизни, на уровне которых наука, религия, искусство и другие формы человеческой культуры уже не поддаются обособлению.

Литература

Конференция «Ломоносов 2011»

1. Васильев В.В. Андрей Платонов: Очерк жизни и творчества. М., 1982.
2. Малыгина Н.М. Андрей Платонов: поэтика «возвращения». М., 2005.
3. Платонов А.П. Записные книжки. М., 2006.
4. Платонов А.П. Сочинения. Том первый: 1918-1927. Книга вторая: статьи / Гл. ред. Н.В. Корниенко. М., 2004.
5. Платонов А.П. Эфирный тракт: Повести 1920-х – начала 1930-х годов / Под ред. Н.М. Малыгиной. М., 2011.
6. Шубин Л.А. Поиски смысла отдельного и общего существования: Об Андрее Платонове. Работы разных лет. М., 1987.